

> МАГИСТРАЛЪ >

КИКУТИ КАН

Портрет дамы
с жемчугами

Москва
2024

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
К38

菊池 寛
真珠夫人

Художественное оформление серии *Н. Портяной*

Кикүти, Кан.

К38 Портрет дамы с жемчугами / Кикүти Кан ; [перевод с японского М. Огуси]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-207941-2

Кикүти Кан освобождает женщину от традиционных представлений о подчиненной роли слабого пола. Феминистский роман о любви и жестокости от знаменитого японского писателя.

Кикүти Кан — важная фигура в японской литературе первой половины двадцатого века.

В центре романа «Портрет дамы с жемчугами» — богатая вдова Рурико, которая решила доказать себе и всему миру, что женщина способна на гораздо большее, чем принято считать. Оказавшись в сложной жизненной ситуации, она не сдалась на милость судьбы, а бросила ей вызов и, призвав на помощь всю свою красоту, хитрость и обаяние, ступила на тропу войны за свою независимость и равноправие.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-207941-2

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Несчастный случай

Когда проехали Офуну, нетерпение и досада, охватившие Синьитиро, достигли своего предела. До Кодзу оставалось всего несколько маленьких станций, но на каждой поезд останавливался. А Синьитиро так хотелось поскорее увидеть и приласкать свою молодую жену.

Наступил июнь. Зелень гор и лесов, мелькавших за окном вагона, уже утратила юную свежесть и теперь не радовала глаз. Только колеблемые легким ветерком молодые побеги сохранили нежно-зеленый цвет.

Весною поезда обычно набиты курортниками, едущими на горячие источники в Хаконэ и на полуостров Идзу. Но весна кончилась, кроме того, уже с неделю стояла дождливая погода. Поэтому в вагоне, кроме Синьитиро, были только пожилые супруги-французы с сыном-подростком, два конторщика в европейских костюмах и какая-то девушка, с виду провинциалка, с матерью. С самого начала внимание Синьитиро привлекли французы, особенно сын, стройный и изящный, как олень, и Синьитиро, любуясь юношей, невольно прислушивался к его разговору с родителями. На сей раз попутчики ничуть не стесняли Синьитиро, не то что курортники, поражавшие своими нарядами из осима¹ и драгоценностями; они всегда раздражали Синьитиро

---

¹ Шелковая ткань типа чесучи из местности Осима в префектуре Кагосима.

своей бесцеремонно громкой болтовней, непрерывным чавканьем и неряшливостью.

Солнце клонилось к западу, застывшее в неподвижности море, то появляясь, то исчезая, холодно поблескивало, словно черненное серебро. Гора Амаги утонула в сером сумраке. Вдали, у моря Сагами, плыли на горизонте черные тучи. Был пятый час.

Стоило Синъитиро подумать о том, с каким нетерпением ждет его жена, как ему начинало казаться, что поезд замедляет ход. Он старался подавить в себе беспокойство и в то же время не мог не думать о ожидающейся его сейчас в гостинице в Югаваре любимой Сидзуко с ямочками на румяных щеках, крохотным ртом и маленьким милым носиком. Когда же Синъитиро вспомнил выражение девичьей стыдливости на ее лице, он не мог сдержать улыбки умиления. В этот момент юноша-француз обратился к своей матери, но Синъитиро расслышал только слово «тапан». Остальные пассажиры, видимо погруженные в свои мысли, не обращали на окружающих никакого внимания.

Поезд с грохотом мчался по сосновому парку, расположенному на берегу моря.

Под мерный стук колес Синъитиро мечтал о любимой. Он вновь и вновь представлял себе, как его юная жена стоит на балконе и ждет его. О чем бы он ни думал — о свадьбе ли, отпразднованной три месяца назад в деревне, о свадебном ли путешествии в Нара и Киото, совершенном ими по дороге в Токио, — ощущение счастья от сознания, что у него есть Сидзуко, ни на минуту его не покидало. В голове с лихорадочной быстротой проносились мысли о девичьей стыдливости Сидзуко во время венчанья, о ее безграничной доверчивости, о новых достоинствах, которые Синъитиро каждый

день обнаруживал в ней, будто в случайно найденном драгоценном камне, и он уже не мог совладать с охватившим его нетерпением как можно скорее погладить нежную, почти прозрачную шею Сидзуко.

«Неужели я не смог вынести и недели в разлуке?» — спрашивал себя Синъитиро, испытывая легкий стыд от того, что уподобился капризному ребенку. Но ничего удивительного в этом не было: после свадьбы прошло совсем мало времени, и неделя показалась Синъитиро вечностью. Дело в том, что Сидзуко перенесла тяжелое воспаление легких, и врачи рекомендовали отвезти ее на горячие источники. Синъитиро очень не хотелось расставаться с женой. Поехать с ней он не мог, так как перед свадьбой уже брал отпуск чуть ли не на месяц. Он отвез Сидзуко в Югавару со служанкой и вечером вернулся в Токио.

Как раз в тот день, когда он собрался ее навестить, пришло письмо, в котором Сидзуко сообщала, что чувствует себя хорошо.

Может быть, Сидзуко попросит взять ее на воскресенье домой? Хорошо бы она вышла встретить его на станцию! Нет, ничего подобного ей и в голову не придет. Единственное, на что она способна, — это терпеливо ждать. Стоит сейчас на балконе, смотрит на мост, перекинутый через Фудзики, и с замиранием сердца прислушивается к грохоту колес каждой проезжающей мимо повозки, к шуму каждого автомобиля. Мысли Синъитиро были прерваны пронзительным свистком паровоза, словно прорвавшимся сквозь нависшие над самым поездом тяжелые тучи. Между соснами видно было, как отражается в обычном для Кодзу хмуром, неприветливом море блеск вечернего неба. Не только море, но и земля была окрашена в тусклые, блеклые тона, будто поздней осенью. Услышав, что это Кодзу, Синъитиро вне себя от радости вскочил с места.

Поезд дальше не шел, и пассажиров из него будто вымело; Синъитиро вышел последним. Толкотни на станции не было, только у выхода в город толпился народ.

На привокзальной площади Синъитиро увидел трамвай, который шел в Юмото. В нем еще оставались свободные места, не то что в прошлое воскресенье, когда там была настоящая давка. Трамвай тогда еле тащился, со скрежетом останавливаясь на каждой остановке. От Одавары, где надо было делать пересадку на Югавару, узкоколейка, извиваясь, как тысяченожка, проходила в горах по самому краю пропасти над морем. До Югавары как-никак три часа езды. А потом надо ехать дилижансом еще полчаса по проселочной дороге. Лишь в девять Синъитиро будет на месте.

Подумав об этом, Синъитиро вспомнил испытанные им в поезде нетерпение и досаду и остановился в унынии, не решаясь сесть в трамвай. В эту самую минуту к нему подошел какой-то человек высокого роста в форменной фуражке и европейском костюме.

— Не угодно ли машину? — спросил он.

Синъитиро обрадовался, как радуются люди, которым в трудный момент вдруг приходят на помощь, но, вспомнив о плате за проезд, ответил весьма сдержанно:

— Пожалуй, я поеду, если это не очень дорого.

— Куда прикажете вас отвезти?

— В Югавару.

— Пятнадцать иен, хотя обычно я беру больше.

Синъитиро не был беден, однако названная сумма отбила у него всякую охоту ехать на машине.

После окончания юридического факультета два года назад Синъитиро поступил на службу в фирму «Мицубиси» и получал вполне приличное жалование, не считая дохода, который приносило имение. Так что общая

сумма составляла примерно пятьсот иен в месяц. Но заплатить столько за машину — нет, на это он не пойдет даже ради любимой жены.

Синъитиро под каким-то предлогом отказался от машины и уже хотел сесть в трамвай, но человек в фуражке никак не отставал:

— Прошу вас, подождите минутку! Дело в том, что у меня есть пассажир до Атами. Может, поедете вместе? Тогда это будет стоить вам всего семь иен.

Синъитиро заколебался:

— А что там у вас за пассажир?

Человек в форменной фуражке пошел за пассажиром, которому предстояло стать попутчиком Синъитиро.

Глядя ему вслед, Синъитиро размышлял: езды на машине всего тридцать или сорок минут, так что он может не обращать внимания на своего случайного попутчика, и все же ему хотелось, чтобы им оказался человек приятный, а не какой-нибудь надутый, чванливый курортник. «Может быть, это будет толстяк с массивным золотым кольцом, украшенным печаткой, — продолжал гадать Синъитиро, — или, против ожиданий, красивая женщина. Впрочем, вряд ли порядочная женщина поедет одна с незнакомым мужчиной».

Размышляя так, Синъитиро не без любопытства ждал попутчика. Через несколько минут он увидел шофера, за которым шел человек в студенческой фуражке. То, что попутчиком оказался студент, обрадовало Синъитиро, однако он не испытал того неповторимого чувства, которое возникает при встрече с однокашником.

— Простите за задержку, — сказал шофер. — Вот господин, с которым вы будете ехать.

— Я не стесню вас? — весело поздоровавшись, спросил Синъитиро.

Студент ничего не ответил, только вежливо поклонился. От Синъитиро не ускользнуло благородство, сквозившее в каждой черте его лица, — юноша, видимо, происходил из аристократической семьи. О его высоком происхождении прежде всего говорил удивительно тонкий нос и особая мягкость во взгляде, сразу вызывавшая симпатию и расположение. Одетый в дорогое пальто, с маленьким саквояжем в руках, он буквально поражал своим изяществом.

— Итак, я отвезу вас в Югавару, а затем мы повернем на Атами, — сказал шофер. — Господин был настолько любезен, что согласился.

— Вот и прекрасно, — сказал Синъитиро и вежливости ради обратился к попугайчику: — Если, конечно, это вас не затруднит.

Когда они сели в машину, шофер, взявшись за руль, сказал:

— До Атами езды пятьдесят минут, всего на десять минут больше, чем до Югавары.

Он резко засигналил, и машина помчалась по городу, догоняя трамвай.

При мысли о скорой встрече с женой досада и раздражение, охватившие Синъитиро в поезде, бесследно исчезли. При каждом толчке сердце его сладко замирало от ожидания близкого счастья. Студент забился в угол и, хмурая тонкие брови, ни разу даже не взглянул в окно, поглощенный какими-то своими думами.

Так, не проронив ни слова, они доехали до Одавары. Синъитиро очень хотелось заговорить с юношей, к которому он уже успел проникнуться симпатией, но он не решался — такой печальный был у юноши вид.

Сейчас, когда юноша сидел совсем близко, бледное лицо его показалось Синъитиро еще более благородным. В подернутых влагой глазах застыло горе. И хотя

молчание становилось тягостным, Синъитиро не осмеливался его нарушить.

Наконец он все же решился и, чтобы начать разговор, задал банальный вопрос:

— Простите, вы тоже приехали с последним поездом?

— Нет, с предыдущим.

Ответ был для Синъитиро несколько неожиданным, и он снова спросил:

— Значит, вы приехали из Токио?

— Да, я жил в Михо. — Тон юноши был скорее деловым, чем взволнованным.

— Вы говорите о сосновом парке Михо?

— Да. Я пробыл там неделю, и мне надоело.

— Вы лечились?

— Не то чтобы лечился... У меня плохо с головой. — Тень пробежала по лицу юноши.

— Неврастения?

— Не совсем. — Уголки губ у юноши устало опустились. Он, видимо, был удручен горем, которое не выразишь словами.

— Вы давно оставили учебу?

— Около месяца.

— Впрочем, на словесном факультете посещение лекций, кажется, необязательно? — сказал Синъитиро, вспомнив замеченный им на воротнике у юноши значок. Синъитиро видел, что юноша совсем не расположен вести беседу, но ему очень хотелось потолковать о литературе, которую он любил с детства, хотя сам окончил юридический факультет. И после короткой паузы он снова заговорил: — Простите, вы из какого колтогакко¹?

---

¹ К о т о г а к к о — учебное заведение, нечто среднее между гимназией и университетом.

— Из токийского, — даже не повернувшись к Синьитиро, ответил юноша.

— Так ведь и я там учился, но вас что-то не помню. Когда вы кончили?

После этих слов в сердце юноши возникло то особое чувство, которое возникает у людей, проживших вместе лучшие годы в одном пансионе и потом неожиданно встретившихся.

— Простите меня, ради бога! — воскликнул юноша. — Я кончил в позапрошлом году. А вы?

Впервые за всю поездку юноша улыбнулся. Улыбнулся грустно, но искренне.

— Я кончил как раз в том году, когда вы поступили, — ответил Синьитиро, — потому и не помню вас.

Синьитиро вынул из бумажника визитную карточку и протянул юноше. На ней значилось: «Синьитиро Ацуми».

— К сожалению, я не взял с собой карточки, — сказал юноша. — Мое имя Аоки Дзюн.

После состоявшегося знакомства оба почувствовали друг к другу расположение, и со стороны могло показаться, что в машине едут давнишние друзья.

Мягкий, наивный и очень застенчивый, юноша в то же время обладал способностью быстро привязываться к людям. Так случилось и на сей раз. Стоило ему узнать, что они с Синьитиро окончили одно учебное заведение, как он сразу проникся к нему доверием и как старшему оказывал всяческое внимание.

— Я покинул Токио десятого мая, — стал жаловаться юноша, — чуть ли не месяц скитаюсь по гостиницам, но нигде не могу обрести покоя.

Слушая его, Синьитиро думал о том, что в юношестве часто испытывают тоску, то ли от сложностей жизни, то ли от несчастной любви.

— Я советовал бы вам возвратиться в Токио, — сказал Синьитиро, — ибо на собственном опыте убедился, что только шум и суета большого города могут восстановить душевное равновесие. Поверьте, и в горах, и у моря с особой остротой ощущаешь одиночество и тоску.

— Обстоятельства не позволяют мне вернуться в Токио, — ответил юноша. — Жизнь там превратилась для меня в настоящую пытку.

Юноша снова умолк. Глядя на него, Синьитиро испытывал острую жалость: он понял, как глубока рана в сердце этого молодого человека.

Посмотрев в окно, они обнаружили, что Одавара осталась далеко позади, и теперь машина мчалась вдоль узкоколейки по самому краю пропасти.

Внизу пенились, разбиваясь о берег, волны Тихого океана.

Там, где берег был более пологим, террасами располагались сады с мандариновыми деревьями. Дурманящий аромат их цветов ощущался даже в машине.

— Хорошо бы приехать в Атами засветло, — сказал через некоторое время Синьитиро.

— Мне безразлично. Можно остановиться и в Югаваре, если не успеет в Атами.

— Тогда остановимся в Югаваре. Я рад нашему знакомству и охотно побеседую с вами.

— Вы надолго в Югавару?

— Нет, еду за женой.

— За женой? — Тень пробежала по лицу юноши.

Дорога была опасной, но шофер, совершавший в день несколько поездок по этому маршруту, смело вел машину, радуясь, что здесь нет препятствий, которые на каждом шагу встречаются в Токио. Он так резко по-